

Prologus

Еще три дня и мне будет 19. Последние три дня. О чем я думаю, не знаю. Когда ты живешь один то думаешь о многом, но вот о чем конкретно сейчас... О жизни, нет о времени. Время удивительно, жизнь тоже, но время быстрее. Оно летит, куда, зачем, я не знаю, но оно летит. Каждый день, как песочные часы, время осыпается памятью. Оно хочет, чтобы мы попрощались с прошлым, забыли кто мы есть, навсегда потеряв имена. Но прошлое надо бережно хранить и тогда наши сердца будут полны любви. Самой чистой и прекрасной любви. И я думаю о том, о чем не хочу забыть. Я помню, как мне было 5, вот мне 12, проснувшись утром, я вижу перед своей кроватью табуретку полную подарков, потом 14, в прошлом году мне было 18, а через три дня мне будет 19. Помню тех, кто сейчас далеко, помню места, в которых я когда-то был. Но главное, я помню, что я человек, простой человек, и я горжусь этим, и я люблю, люблю потому, что я помню. И я надеюсь, что уже никогда не забуду.

У Самовара Я И Моя Маба

О чем можно писать? О ветре, о памяти, о листьях.

Сейчас за окном темно, черный цвет, оранжевые огни фонарей, окно соседнего дома. В этом окне своя жизнь, свои люди, своя совсем другая история.

Видна пожелтевшая листва деревьев, слегка колышущаяся на ветру и звезды, множество звезд больших и маленьких, мерцающих и нет, но одинаково завораживающих. Иногда если долго смотреть на небо можно увидеть падающую звезду и загадать желание. Возможно, много лет спустя, вам опять повезет и вы увидите еще одну такую звезду и вспомните то заветное желание загаданное еще в детстве. Я помню, я хотел, чтобы Маба и Жека всегда были со мной. Что еще мог я хотеть сидя на коленях у любимой Мабы у нашего окна. Сейчас уже очень далеко от дома, сидя в одиночестве у уже совершенно другого окна я думаю о том, как где-то, у старого окна сидит моя семья, моя Маба и моя Жека. Каких-то 15 лет назад, за тем окном, на коленях у Мабы, сидел маленький мальчик и всматривался в темноту. Там был я, был и нету.

Дорога у дома под номером 35 была покрыта тонкой пленкой льда, ярко желтый свет от фонаря и крупные хлопья снега. На улице было темно и холодно. Совсем иначе было в доме. В сумраке кухни, на табуретке у белого шкафа, на котором гордо стояла статуэтка «солнца русской поэзии» сидели

Маба и я. Глядя в окно, мы время от времени дотрагивались до горячей батареи, дожидались момента, когда приходилось отдергивать руку, и тихо напевая песни, продолжали ждать Жеку. Вот кто-то показывался из-за голых ветвей могучего дуба располагавшегося под нашим окном, вот раздавались чьи-то шаги, и чья-то тень медленно скользила по льду. Незнакомая фигура проходила мимо нашего подъезда и устремлялась куда-то дальше в неизвестность. Вот резкий свет и приближающийся звук мотора разрезал тишину нашего двора. Мы ждали Жеку. Порой не в силах больше ждать я бежал в большую комнату, мой взгляд падал на зеленый будильник стоявший на шкафу, половина восьмого, а Жеки все не было. Пройдут годы, и вот уже Маба с Жекой будут сидеть у окна и ждать меня, еще годы, и меня уже не будет в том доме, как не будет и зеленого будильника. Но это будет позже. А пока я стою посреди большой комнаты и прислушиваюсь, в кухне Маба напевает песню про капитана. Это мой дом, здесь жил я, и живут мои родители. Все, что я люблю, все что я знаю, находится здесь среди книг, столового серебра и мебели. Но вот звонок, из кухни выходит улыбающаяся Маба, слегка прищуривая глаза привыкшие к темноте, она уже знает, это Жека. А пока мы бежим в коридор открывать дверь, у опустевшего окна на плите стоит чайник, медленно нагреваясь на красно-синих языках пламени он выпускает едва заметный дым и вокруг все так тепло и спокойно.

Дорога Вела В Детский Сад

Скажи легко, и жить легко, и видно небо далеко. Сидим себе на облаках, как у кого-то на руках.

Хруст снега. Я открываю глаза, на улице еще темно, зима. Раннее утро, но нас ждут великие дела. Я быстро одеваюсь, колготки, как я их не люблю. Скорее бегу в ванную комнату. Здесь тепло и лишь сквозь вентиляционное отверстие наверху в стене можно слышать как на улице завывает ветер. Над туалетом висит дощечка, а на ней радуга. Яркая радуга на голубом фоне. Каждый охотник желает знать где сидит фазан, догадались? Надо торопиться, в кухне уже ждет Маба, скорее съесть бутерброды и в путь. Мы идем в детский сад, не-то чтобы я его люблю, но это не важно ведь по дороге мы обязательно увидим тень большого великана. Удивительная тень, тихо опустившаяся на голую стену дома. А на обратном пути мы пройдем мимо прекрасной жарптицы навеки застывшей в окне близлежащего дома. Разве это не самое важное, идти за руку с Мабой и смотреть по сторонам. Идти и замечать все самое доброе, что есть вокруг. Пока мы вместе я счастлив. Я очень люблю Мабу.

Дома В Постеле И В Лесу Где Голубые Ели

Помните ли вы то удивительное чувство с котрым вы ложитесь спать? Завтра в лес. Я быстро хватаю будильник, розовый, он всегда стоял на углу стола у маминой кровати. Когда? Во сколько? Вот тоненькая серая стрелка быстро скользя по циферблату останавливается напротив шести. Решено. Я легким движением поднимаю кнопку будильника... Все, готово. Весь в ожидании я бегу в постель, скорее, вот я уже лежу, подняв ноги под одеялом я пытаюсь загнуть конец одеяла так, чтобы ноги оказались в теплом кармашке. Я делаю так и сейчас. Надо спать а я все думаю о том как оно будет завтра. В окне виден кусочек луны, в комнате темно и лишь сквозь щель между дверью и полом падает свет из соседней комнаты. Моя любимая комната, самая родная из всех в которых я когда либо засыпал. Я знаю ее наизусть. Вот дверь, в верхнем дальнем углу от моей кровати она не плотно прилегает к стене и в темноте, когда в бабушкиной комнате горит свет, в этом углу видна отчетливая яркая точка. Вот тумбочка перед моей кроватью. Я еще не достаю до нее ногами. А под ней в полу, у стены, есть паркетинка которую можно отодвинуть, но я еще не придумал, что там можно спрятать. Такая же есть и в бабушкиной комнате, в полу у балкона. Справа от меня мамин диван, под ним я часто прятался, тихо хлюпая носом и вытирая слезы обиды. Зановески задернуты, я всегда просил оставить небольшую чать окна открытым. Лежа в постели, я часто буду наблюдать за многочисленными яркими квадратами света соседнего дома. 8 этаж, кто-то показался в окне, возможно это кухня. Они пьют чай, иногда можно разглядеть мерцание телевизора. Вот чуть правее и выше, на 10 этаже, чей-то силуэт поднялся, и через мгновение свет погас. Ночь. Вот прямоугольные окна лестничных площадок, некоторые освещены, некоторые разбиты. Наверху гладкая крыша, аккуратно заставленная кривыми антеннами. Еще выше звезды, много звезд. Одни меньше, другие ярче. Одни мерцают, а некоторые, самые редки из них – падают. Левее в пролете между домов, где большие деревья скрывают ветвями очертания булочной виден лишь дым. Он красивым шлейфом танется из трубы пекарни. Вот подул ветерок и край занавески прикрывающий полуоткрытую форточку слегка закачался, шелест ткани. Скрип шагов в соседней комнате, их можно разлечить, это бабушкины, я уверен. Вот что-то хрустнуло в кладовке. Это звуки моей комнаты, они живут отдельной жизнью, они только здесь, как симфония, самая дорогая моему уху. Надо мной потолок, я закрываю глаза, белый, черный, чернее, красный.... и вот я сплю.

Вот он тот самый звук которого я так долго ждал. Будильник спешит разбудить еще темную комнату, а главное двух сонных мух мерно сопящих в своих теплых и уютных кроватях. Встаем, встаем. Я всегда первый, или нет, Жека идет первой. Она еще не приготовила нам вкусный «перекус» в дорогу. Замечательные бутерброды с черным хлебом, сыром и колбасой. Сваренные в крутую яйца. В красный термос наливаем горячий чай. Берем с собой пряников и яблок.

Я уже оделся и умылся, Маба лежит в постели и тихо наблюдает за всем происходящим на кухне через приоткрытую дверь. Собрав наши рюкзаки, Жека берет коричневый, а мне достается цветной, желтый с красным и зеленым, мы берем главное, корзины. Скорее, попрощаться с Мабой, одеваем резиновые сапоги и бегом на остановку.

Где же наша Зойка. Наш любимый троллейбус. Мы напеваем слова придуманной песенки: Прийди, прийди троллейбус. Вот водитель показывается из диспетчерской и медленно направляется к нашей Зойке. Вот он заходит в кабину нажав невидимую кнопку чтобы открыть дверь. Мы уже знаем, что он сейчас начнет причесываться, крутить усы, почосывать затылок, но нет, наш троллейбус тронулся. У нас карточки, сентябрь, они желтого цвета. Каких-то пятнадцать минут и мы будем на Финляндском вокзале. Наша электричка отходит в 7.15, мы успеем, и в Рощино, по нашим любимым местам.

Нет ничего удивительней суматохи вокзалов, такого человеческого муравейника, наполненного снующими из стороны в стороны, из угла в угол людьми. Я помню, как каждый раз, заходя в огромное здание Финляндского вокзала (а может огромного лишь только по сравнению с моим ростом в 8 лет), я начинаю рассматривать высокий потолок его зала, множество касс по обе стороны. Мои глаза начинают бегать, пытаюсь разглядеть все происходящее внутри. Огромная карта на стене, по ней можно найти все станции и направления электричек, множество лотков, забитых до отказа товарами первой дорожной необходимости, газетами с неразгаданными кроссвордами, книгами с еще неразрезанными страницами. Помню очереди у касс, небольшие, но всегда неизменно стоящие по диагонали от каждого открытого окошка. Именно здесь в этом вокзальном помещении произойдет мое знакомство с серией книг «Детские детективы», прочитанной всей семьей и увековеченной в аппетитном бутерброде Нэнси Дру, так искусно приготовляемым до сих пор моей любимой бабушкой. Получив заветные билетки в окне, и несколько минут побродив по залу в поисках дорожных развлечений, мы весело выходим на платформу.

Сегодня, спустя много лет, и великое множество электричек и поездов после того утра, Финляндский вокзал всё еще стоит там, где я увидел его в детстве. Он уже совсем другой, далекий и не родной, там нет ни карты, ни знакомых окошек касс. Нет и продавцов, и прохода на платформу. Теперь есть турникеты и все, что принес с собой 21 век. Но, тем не менее, есть в очертаниях этого здания что-то, напоминающее мне о грибной охоте, столь дорогой моему сердцу.

Найдя электричку, мы выбираем вагон. Дело в том, что вагоны бывают моторные, там все трясется и дребезжит, и мы их тщательно обходим. Есть вагоны с мягкими сиденьями, есть с деревянными. С каждой осенью, покуда мы ездили за грибами, мягкие сиденья становились все ободраннее, электрички все старше, окна открывались все сложнее, но неизменно ведра и корзины, полные грибов, аккуратно и красиво прикрывались папоротником и ставились на всеобщее обозрение у коленей гордых грибников. Усевшись наконец (а я обычно выбирал место у окна) мы начинали играть: грузили корабли уходящие в кругосветное плавание, составляли из слов слова, пробовали свои силы в кроссвордах... И вот за окном все начинало плыть, люди появлялись и исчезали, пирон разгонялся и все вокруг начинало походить на смешанные масляные на палитре. Но мы оставались неподвижны и лишь время от времени мерный стук колес и скрип вагона, напоминающие о нашем движении прерывались голосами продавцов мороженого. Сахарная трубочка, настоящая хрустящая вафля и купол шоколада. Полтора часа рядом с мамой в электричке у окна пролетали с невероятной быстротой.

Платформа Рощино, ничем не приметная, слева рельсы, запасные пути, товарные поезда с бесконечным количеством вагонов, за ними лес. Как-то, несколько лет спустя, мы побывали на той стороне роцинской платформы, в знаменитой Линдуловской Роще, откуда по преданиям Петр 1 брал сосны на мачты своим кораблям. Помню длинную дорогу, много папоротника и мало грибов. В общем, место оказалось скучное и больше я там не был. Спустившись по лесенке справа, оказываемся на остановке автобусов. Серая металлическая будка остановки, на железном фонарном столбе желтая табличка с буквой А. Здесь мы ждем автобус, который довезет нас до центра поселка Рощино. Маленькие желтые пузатые автобусы пугающе накрываются на поворотах. Центральная улочка обычного поселка в глубинке, несколько раз мы ходили отсюда пешком до самой станции, а это не близко. По дороге есть несколько магазинов, стандартные серые строения в один или два этажа. Здесь можно пополнить запасы наших рюкзаков перед погружением в лес. Слева от главной улицы идет развилка на плотину. Проходя через мост, каждый раз мы с Жекой, свесив головы вниз, вглядывались в бурлящую пенящуюся воду под нашими ногами. Пройдя еще немного вперед, мы сворачиваем вправо и пролезаем в дырку в ограде бывшего пионерского лагеря.

С этим лагерем я познакомился не так давно, это лагерь от маминой работы и сюда мы как-то приезжали с Жекой летом на пару недель. Здесь нас навещала Маба, Жека сушила грибы на масляной батарее, а я ходил в кружок «изделий из кожи» и пробовал складывать оригами. Здесь я играл в футбол на старой баскетбольной площадке из досок. Еще играли в мемори-гейм, игру для развития памяти, когда надо открывать попарно 40 перевернутых карточек с картинками, предварительно запомнив их расположение. На одной из карточек был изображен некто Le Garçon, бегущий с дымящейся кастрюлькой, быстро переименованный у нас в Супника.

На территории лагеря находилась баня, на заднем дворе которой был разбросан шлак и лежали ржавые трубы всех длин и диаметров, сквозь которые причудливо прорастали маслята. Именно через баню шла наша с Жекой излюбленная дорожка в лес. Небольшой спуск к болоту, которое полностью покрыто мхом и ряской и смачно хлюпающее под ногами. На болоте росли удивительные цветы и растения, и здесь же среди великолепного мха, который мы несколько раз пробовали привезти домой, скрывались разные грибы. Здесь уже надо было смотреть в оба. Правда, чаще всего попадались маленькие крепенькие желтые сыроежки, которые местные бабушки почему-то называли кубиками.

Обойдя болото слева, мы попадали в небольшой редкий ельничек. Именно здесь плотно поевшим грибникам случалось справлять свою нужду – о чем свидетельствовали как оставленные следы, так и собственный опыт. Как-то именно там, в этих елках, я сумел разглядеть парочку белых, притаившихся в глубокой тени. Этот факт лишь увеличил популярность данного места в моих глазах.

Надо сказать, что лес в Рощино удивительно красивый и такой сухой, что, по словам Жеки, по нему можно было спокойно ходить в бальных тапочках. Правда, она всегда любила преувеличивать. Пройдя по дороге, ведущей с одной стороны в лес, а с другой – в местную больницу, мы углублялись влево, через просеку, заросшую молодым осинником, в сторону таинственного исследовательского центра, стоящего за неприступным глухим забором, и к нашим грибным местам.

Гуд Бай, Америка... Где Не Был Никогда

Ну что вам сказать, сегодня захотелось «Столичной», ну, водки конечно. А чего это вдруг захотелось, и почему именно сегодня, ну вообще непонятно. Столь благородное желание отбило у меня даже еще более благородную охоту – позлорадствовать над американцами. Однако, поскольку живу я временно в Америке, и «Столичной» я как не искал, так и не нашел, принял решение возвратиться к своим нормальным, исторически сложившимся обязанностям. То бишь, кусать сильно, но осторожно, желательна в плечо или, на худой конец, в бок, опять-таки, желательна в правый, друзей-американцев.

Сначала решил писать как интеллигент к интеллигентам. Нас мало. Потом одумался и понял, что должно быть еще меньше. Поэтому буду писать как еврей к евреям, нас много, и как мне лично кажется, будет еще больше. Почему писать? Потому что, если в жизни ни к чему особо таланта не проявляешь, надо писать. Талантливые люди не пишут, они становятся инженерами, докторами, математиками... А те, которые никем стать не сумели, либо спиваются, либо пишут и спиваются. К тому же, грех не начать

писать, если «ты» еврей, хотя бы потому что если ты еврей, то уж писать всегда найдется о чем.

Зачем писать об Америке? А зачем писать о России, в России давно уже живут одни евреи, а если кто-то говорит, что он не еврей, посочувствуйте, хороших людей в нашей стране много, но и другие тоже попадают. А поскольку большинство евреи, то и писать умеет большинство, даже может и пишет, ну по ночам хотя бы. А в Америке еще остались американцы, хотя евреев уже тоже порядочно. Только вот американцы писать не любят, а читать тем более, поэтому о них писать можно сколько угодно, все равно не прочтут. А если и прочтут, то не поймут, потому что они не евреи, а американцы, а пишу я как еврей к евреям.

Утро дня первого какой-то очередной недели

Проснулся. Во всяком случае, показалось, что проснулся. Тихо сел на кровати и задумался. Думать особо ни о чем не хотелось, но поскольку и делать особо было нечего, я продолжал раздумья. Мне вдруг стало тошно оттого, что я проснулся именно сегодня. Вообще понятие «сегодня» в жизни каждого человека давно уже стало одним из самых постоянных и неизменных атрибутов существования. Сегодня, сегодня, которое было вчера, и даже сегодня, которое будет завтра, все они мало чем отличаются друг от друга. Лишь только сегодня, которое будет завтра, изредка напоминает о светлом будущем, но как только оно наступает, от будущего остается одно настоящее, а значит, снова сегодня.

В общем, спустя какое-то время я решил выйти из дома. Однако тут передо мной встал нелегкий вопрос, а точнее: по какой дороге, и в какую сторону следует пойти. При этом надо заметить, что все три дороги, идущие от моего скромного жилища, не ведут ровным счетом никуда. Нет, они не упираются в тупик, напротив, они простираются на длинные и однообразные мили, насквозь разрезая просторы одноэтажной Америки. По каждой из них можно идти часами, но в конечном итоге, так никуда и не придти. Так что, выйдя из дома, мне представилась бесконечность, имеющая сразу три ипостаси. Все они были одинаково бессмысленными, и, как мне показалось, являлись прямым следствием еще более бессмысленного сегодня.

Короче, вместо того, чтобы кануть в небытие, я решил остаться дома. Логика в своем решении как не искал, так и не обнаружил, но надо заметить, что и Америка страна крайне не логичная. Правда, тут есть одно «но». Америка хороша для американцев, а вот для всех остальных она нелогична. А дело все в том, что в Америке пьянство – это порок, драка – удел сумасшедших, а работа мозга – задача для эмигрантов. Последние, конечно, об этом догадываются, поэтому и пьют, и даже дерутся между собой. А я вообще не отношусь ни к тем, и ни к другим, поэтому, как и у всем известного классика, предпочитаю лежать на диване в своем махровом халате, мирно размышляя о бессмысленности сегодняшнего дня.

Утро дня второго уже более определенной недели

Новый день и по виду и по ощущениям явно мало чем отличался от дня вчерашнего. За окном светило яркое солнце, а бескрайние просторы американских полей уходили все в ту же бесконечность, которая еще вчера была мною отвергнута. Одним словом, снаружи делать было абсолютно нечего, поэтому я опять остался дома.

Дома ежедневная бесконечность ограничивается картонными стенами, набитыми утеплителем, и парой окон. В американскую действительность выражение «мой дом – моя крепость» вписывается с какими-то поистине нечеловеческими усилиями. Конечно, нельзя сказать, чтобы стены шатались из стороны в сторону, однако называть эти стены стенами, пожалуй, тоже неверно. Скорее эти картонные приспособления служат чем-то вроде советского алюминиевого друшлака. Ибо непостижимыми для меня путями сквозь толстый слой утеплителя в дом время от времени вползают самые разнообразные представители местной фауны. Создается впечатление, что столь убедительно описанный Дарвином процесс эволюции человека и скрывается где-то в глубинах загадочного американского утеплителя, наглухо заколоченного между двух картонных досок.

Переходя от стен к окнам, надо заметить, что последние в жизни американских граждан не имеют равным счетом никакой ценности. Причиной столь удивительного явления, на мой взгляд, и является та самая бесконечность, наблюдаемая из всех частных домов страны. Глядя в окно, нельзя увидеть великолепие американского ландшафта, огненных закатов или перьевых облаков. Нельзя просто потому, что их здесь нет. В окне день ото дня ничего не меняется, никто не ходит, ни говорит, ни творит историю. Так что естественней будет протереть экран телевизора и, удобно расположившись на диване, предаться размышлениям о вечном.

Вообще жизнь в Америке уже давно потеряла всякое духовное начало. Еще Достоевский писал о страхе, который человек испытывает перед «материальным огнем». В Америке этого страха нет. Нет, и, наверное, уже не будет. Для американца гораздо страшней открыть книгу, чем шагнуть по бесконечным просторам родины. Страшней, потому что простые истины, как и правда, горьки и неизбежны. Принимая свою страну за идеал, американцы раз и навсегда лишают себя возможности вырваться из серой бесконечности, которая является оплотом их сугубо материального воображения. Америка стала страной, где большинство верит в то, чего на самом деле нет, нет и быть не может, как не может быть полной свободы и равноправия. Так что единственным великим, оставшимся от американского мифа, является некий стиль жизни. Стиль, в котором посреди картонной стены печально располагаются пыльные окна, глядящие все дальше и дальше, куда-то в бескрайние просторы существования.

Post Scriptum

На пустынном берегу моря покрытым вечерней мглой, где бушующие волны с грохотом разбиваются о пребрежные скалы, я заметил старика. Быстро налетев я обдал его соленым морским ветром, и замер. В его грубых морщинах я разглядел следы уже давно знакомого мне лица. Я помню его. Как и сейчас я вижу тот день когда уже много лет назад, здесь на берегу появился он. Еще совсем молодой, в твидовой кепке и клетчатом шарфе он смело взобрался на огромный пребрежный камень. Его взгляд упал на оранжевый мох, что окутал валун, потом на волны весело играющие с берегами. Да, он смотрел на море, но он слушал меня. Его умные глаза наполненные добротой и печалью. Я навсегда запомнил их, но почему? Вот уже тысячи лет я мчусь над землей, но никогда я не видел столь верных глаз. Я дул все сильнее, а он смотрел и слушал, и глаза его были полны любви. Он любил меня, меня – ветер.

С тех пор я летел рядом с ним, сопровождая его по дороге жизни. Я дул ему в спину, когда он карабкался в гору, дул в лицо, когда он спускался вниз, я всегда радовался, когда он приходил сюда на берег, ибо здесь мой дом, но с годами его следы стали появляться все реже.

Да, я знаю, что когда-то он уйдет и уже не вернется, но старик не знает что с ним уйду и я, его ветер. И лишь морские волны будут нести бутылку, а в ней историю его жизни. Но не ищите конца, ибо старик еще молод, а значит и история не дописана. И лишь холодный ветер оставляет на губах ощущение того, что все-таки он жил.